

Благогодатная, ласковая майская ночь. Кадрия, лежа на кровати, смотрит через окно веранды на фруктовый сад. Яблони там стоят в белом цвету. В падающем из окна дома свете мельтешат возле них какие-то насекомые. Должно быть, их тоже радуют цветы и теплая ночь. «Эх, в эту пору быть бы дома, в ауле, – вздыхает Кадрия, приподняв голову с подушки. – Наверно, и перед нашей избой яблоня стоит, как говорила бабушка, в свадебном платье...»

Любили они тихими вечерами сидеть на лавочке в палисаднике, беседовать, прислушиваясь, как шумит неподалеку речка, бегущая от склона Иреньдыка. Вспомнилось, как бабушка однажды негромко спросила:

– Кадрия, младшая сноха Ситдика сшила себе платье из то-вара, который привез ее муж из города? Носит его?

– Носит, носит. Бабка Уммугульсум сшила ей.

– Уммугульсум, говоришь? Коли так, обвиснет платье после первой же стирки.

– Почему?

– Она же будто мешок, а не платье кроит. Надо зауживать платье у ребер, чтобы аккуратно облегалo тело.

Потом, когда сноха старика Ситдика заглянула к ним по какой-то житейской надобности или просто поведать, бабушка поинтересовалась:

– Килен, ты сейчас в платье, которое сшила Уммугульсум?

– Ну да, в нем.

– Подол у тебя по бокам обвис. Придется самой немножко подправить его, без этого не обойтись....

Бабушка уже давненько ослепла, а видела как будто не хуже, чем зрячие. Знала обо всем, что происходит в ауле. Кадрия догадывалась, что бабушка смотрит на мир ее, Кадрии, глазами, поэтому в вечерних беседах старалась рассказывать ей о том, что видела, что слышала, как можно подробней. С мелких происшествий у соседей разговор нередко перекидывался на крупные события, касавшиеся всего аула.

– Кадрия, – задавала тему бабушка, – были разговоры, что Хатиша собираются снять с председательства, чем дело кончилось?

– Сняли, бабушка, сняли. Когда полоски белье в речке, я от бабки деда Хажиахмета это слышала. Дед, говорит, на собрании уперся как бык, чтоб не оставили Хатию в председателях.

– И правильно сделал. Сколько можно терпеть, чтобы Хатип сидел на шее народа? Хажиахмет – человек бывалый, мир повидал, зря не взбунтовался бы...

Хоть и ослепла бабушка, ее в ауле оттого, что была обо всем осведомлена и могла предсказать, как развернутся события дальше, прозвали Ясновидящей Каримой. Удивлялась теперь Кадрия: раз бабушка была ясновидящей, выходит, наперед знала, когда умрет? И о том знала, что приедет ее сын, родной дядя Кадрии, на похороны, продаст корову, заколотит окна избы досками крест-накрест и увезет племянницу жить к себе в далекий от аула райцентр? А если знала, почему не объяснила внучке заранее, как ей держать себя у дяди, что делать, чтобы энгэ, дядина жена, не придиралась к ней, не бранила?

Кадрия отвела взгляд от окна, легла, скрипнув кроватью, на спину, тяжело вздохнула. Нет, не знает она, как тут жить, как угодить этой злой женщине. Что ни сделай, как ни старайся – все ей не по нраву.

Сегодня вот вручила тряпку, велела стереть пыль с книг, которыми битком набит застекленный шкаф в зале. Корешки у всех книг либо темно-, либо светлозеленые. Взялась Кадрия протирать их и запуталась, не запомнила, какую куда надо обратно поставить. Раскрыла одну тяжелую книгу, а в ней – сплошь картинки. Заинтересовавшись ими, начала перелистывать страницы. И каких только картинок в ней нет! Тут какое-то сражение, тут мать держит на руках младенца. То злые, то добрые глаза взирают на Кадрию с книжной страницы. А вот молоденькая девушка лежит в гамаке среди шелков и бархата, и все вокруг – и сам воздух, и деревья будто оберегают ее покой. Как красиво!

Кадрия, раскрыв эту страницу, задумалась. Девушка была чем-то похожа на Анису, сноху старика Ситдика. Кадрия видела Анису раздетой, когда прошлым летом купались в речке. Смуглое влажное тело молодухи блестело в лучах солнца, притягивало взгляд. Кадрия долго, любуясь, смотрела на нее, затем осторожно коснулась ее рукой. Как красиво, вздрогнув, обернулась.

– Ты чего?

– Красиво... – сказала Кадрия. – Ты красивая.

Аниса окинула ее жалостливым взглядом.

– А ты ведь тоже красавица. Бабушка говорила тебе об этом?

Называть внучку красавицей бабушка не называла, лишь, случалось, горестно вздыхала, глядя на нее, когда была еще зрячей. Иногда ночью, видимо, полагая, что Кадрия спит, не слышит ее, стенала: «О, Аллах, мало того, что осиротил девочку еще ребенком, так и головку ее не пощадил. Чем наделять ее красотой, лучше оставил бы немного ума-разума, чтобы хоть буквы научилась различать!»

Эх, будь у Кадрии ум-разум – разве жила бы она в прислугах у энгэ? В ауле ее жалели: не повезло девочке в жизни. Рано лишилась отца с матерью, осталась при бабушке, вдобавок еще тяжело переболела и впала в слабоумие. Так-то она вроде все понимала, но потеряла сообразительность; ослабла память, и не далась ей учеба в школе. Учителя говорили, что надо отправить ее в спецшколу, да бабушка ослепла, как ей жить, если внучку куда-то увезут? Бабушкин ум и внучкины глаза и руки так ли сяк ли позволяли существовать им обеим. Бабушка подсказками мало-помалу научила Кадрию справляться с домашними хлопотами, обихаживать корову, работать на огороде. Так и жили, пока бабушка не умерла...

– ...Ты что тут остолбенела? Сколько времени прошло, а ты все еще не протерла пыль! Дядя твой уже пришел с работы ... – К Кадрии, переваливаясь с ноги на ногу

наподобие перекормленной утки, подошла енгэ. Глянула заплывшими жиром мышиными глазками на раскрытую страницу книги, протянула к ней руку. – Ну-ка, что это ты разглядываешь? – Увидев на соседней странице обнаженные мужские фигуры, хлопнула ладонью как бы в изумлении себе по ляжке, крикнула: – Басир, иди-ка, глянь, чем твоя Кадрия интересуется! Не зря говорится: коль содержишь телку, будет масла полон рот, коль содержишь сироту, будет полон рот хлопот. Как бы эта девчонка не осрамила нас...

Кадрия растерялась, застыла на месте, не понимая, что случилось, в чем она опять провинилась.

Вошел дядя, взял книгу из рук жены. Взглянув на обложку, сказал с недовольством в голосе:

– Уж и сама ты... Купила эту книгу, будто разбираешься в искусстве. Хоть бы заглядывала в нее иногда!

Енгэ, как обиженный ребенок, надула губы.

– Когда ж заглядывать-то? И дом, и дворовое хозяйство – все на мне. Купила потому, что в тон с ковром. Ради твоего авторитета стараюсь. А то твои начальники, придя к нам в гости, могут подумать: «У бедняги жена не умеет со вкусом обставлять дом».

Дядя, должно быть, не желая пререкаться с женой, махнул рукой:

– Ну, ладно, ладно. По мне, так в этих книгах нет никакой нужды, раз никто их не читает. Только пыль собирают...

– Брось, Басир, не говори так. Вон сколько книг в доме Вакиля Гимаевича! И все толстые, ценные...

– То ведь у Вакиля. Они, наверно, с удовольствием их читают.

– Ну да, читают, как же... Я, когда мы были у них на дне рождения, ради забавы, пока собирались гости, посмотрела две-три книги. Они стоят со слипшимися еще до покупки страницами, никто их не раскрывал.

Дядя, присмирив, сел в кресло.

– Вообще-то Вакиль любил читать. Но и на него, наверно, навалились житейские заботы, стало не до чтения. Сама знаешь, купили машину, садом обзавелись, застолья часто устраивают, то-се... Жизнь меняет человека...

Енгэ с дядей немного повздорили и помирились. Из-за стенки теперь слышались их воркование и смех, а Кадрия, не понимая, в чем же она провинилась, долго ворочалась в своей постели, не могла уснуть.

Разбудила ее утром птичья перекличка в саду. Приподнялась, посмотрела в окно: яблони в лучах утреннего солнца выглядели еще прекрасней, нарядней. Когда была жива бабушка, Кадрия спросила у нее:

– Почему яблони не стоят все лето в свадебных платьях? Как красиво было бы!

Бабушка сказала в ответ на это:

– Всему отведено свое время. Девушки ведь тоже надевают свадебное платье, правда, только раз в жизни, а потом хранят эту радость в сердце до конца своих дней.

Кадрия, заинтересовавшись разговором, придвинулась к бабушке ближе.

– А куда они девают эти платья после свадьбы, раз не носят?

– Берут в сундуке, чтобы время их не подпортило, чтобы не запылились, не испачкались. Свадебное платье, детка, – знак верности и чистосердечия. Молодость проходит быстро, и должно быть у человека что-то дорогое, святое, напоминающее о ней.

– Бабушка, а почему в твоём сундуке нет свадебного платья, ты никогда не была молодой, что ли?

– Глупенькая, – усмехнулась бабушка, – была и я когда-то как ягодка налитая. Но тогда у нас, башкир, невеста надевала не свадебное платье, а кашмау с кружевной накидкой. Во время войны, когда нечего стало есть, старуха Сарбиямал предложила мне за мой свадебный наряд ведро муки, хотела выменять для дочки, свой-то еще раньше по нужде отдала одному казаку за несколько фунтов овса. Ели тогда лебеду, крапиву, выживали, кто как мог, но я мамин подарок к моей свадьбе сохранила, он в маленьком красном сундучке лежит. Когда умру, останется тебе на память...

– Бабушка, а, бабушка, а у меня будет свадебное платье как у яблони? – спросила Кадрия, посмотрев на цветущую яблоню.

Бабушка положила почему-то дрожавшую руку на ее голову.

– Ай, детка, разве найдется наряд лучше, чем оставленный тебе бабушкой? Не завидуй яблоне, а просто радуйся, глядя на нее. Она каждую весну надевает свадебное платье, чтобы ты могла полюбоваться им. Видеть ее в таком наряде – само по себе счастье...

Кадрия, прервав воспоминания, вскочила, решила выйти в сад, приласкаться к яблоне, прикасаясь щеками к нежным как шелк, белым лепесткам, но в другой половине веранды, отделенной дощатой перегородкой, раздался голос энгэ:

– Басир, иди чаю выпей, идти тебе далеко, неизвестно, когда еще позавтракаешь...

Кадрия замерла, не зная, как быть: выйти, не выйти?

Послышалось журчанье, должно быть, энгэ наливала чай из чайника в чашку, скрипнул стул под ее грузным телом. И опять ее голос:

– Баси-ир, умоляю, давай пригласим на свадьбу и Ашрафа Закировича! Приходится ведь обращаться к нему с разными просьбами.

Голос дяди:

– Оставь, Гашура, и так одни только начальники приглашены.

– Но, Басир, нужный же человек. Если на свадьбе единственной дочери не потчуеться, как потом в глаза ему глянешь? Скажет, на свадьбу не пригласил, а теперь возникла нужда, так понадобился.

– Так-то оно так, но перед родней ведь неудобно. Давно не виделись, хоть на свадьбе дочки надо бы пообщаться.

– Да ну тебя! – вспыхнула энгэ. – Уж борода у тебя поседела в хлопотах о родне. Привез без моего согласия никчемную племянницу, дескать, стыдно перед родней оставлять ее без призора. Ладно, я стиснув зубы терплю. А ты не ценишь это....

– Брось, Гашура, Кадрия может услышать.

– Ну и пусть слышит! По мне – хоть пропади она пропадом! В самом деле, только-только начали общаться с видными людьми, себя людьми почувствовали – и нате вам: опять ерунду городишь. Кто в нынешнее время считается с родством? Кто тебе полезен, тот и родственник. Вон даже книги, которые, по-твоему, только пыль собирают, поначалу пришлось доставать по знакомству, по блату...

Энгэ, наверно, продолжала бы укорять дядю, но он, как догадалась Кадрия, встал из-за стола, отодвинул стул.

– Ладно, Гашура, дочку ты родила, приглашай, кого хочешь. Кстати, свадебное платье для Зульфийи готово?

– Готово, сегодня схожу за ним.

* * *

«Они, оказывается, готовятся к свадьбе», – подумала Кадрия, и перед ее мысленным взором предстала круглолицая улыбчивая девочка-подросток, которую

дядя однажды привез показав бабушке. Бабушка объяснила Кадрии, что Зульфия – ее двоюродная сестра, немного старше по возрасту. Выходит, она уже выросла. Ну, да – говорили же, что получила высокое образование и работает где-то далеко, в какой-то экспедиции, ищет воду в пустыне. Какой она, интересно, стала теперь? Хорошо бы – не злой как мать...

На следующий день только-только Кадрия закончила приборку в комнате Зульфийи, как порог дома переступила высокая, стройная девушка с коротко остриженными кудрявыми волосами. Енгэ, заохав, кинулась обнимать ее.

– Ах-ах, Зульфия, я думала – приедете завтра. Благополучно доехала? А где жених?

– Решил задержаться на день, купить подарки для здешних тетушек. Я приехала пораньше, чтобы помочь тебе. – Зульфия, отвечая матери, сделала шаг в сторону Кадрии. – Mam, а кто эта красивая девушка?

Улыбка на лице Гашуры-енгэ сразу угасла.

– Да Кадрия же, дочь сестры твоего отца.

– А-а... Здравствуй, сестренка! Рада видеть тебя... Слышала, что бабушка наша умерла, но не знала, что ты теперь живешь здесь...

Поздоровавшись с Кадрией, Зульфия взяла в руку большую куклу, сидевшую на этажерке. Лицо девушки почему-то погрузнело, в глазах блеснули слезы. Гашура-енгэ, расположившись в кресле, принялась перечислять, кого пригласили на свадьбу. Зульфия словно и не слышала слов матери, прижалась щекой к золотистым волосам куклы, заговорила, обращаясь к ней:

– Ну вот, Алтынай, я вернулась. Я соскучилась по тебе. Ты совсем не изменилась, будто время тут остановилось. Но оно текло и текло, пришла для меня пора проститься с детством и озорной юностью. – Зульфия спрятала глаза в локонах куклы. – У меня есть друг, теперь я стану его женой. Тебя это не огорчит? Он хороший человек. У него глаза голубые, как у тебя. Он тоже будет любить тебя, моя Алтынай...

Немного погодя Зульфия отправилась во двор умыться с дороги, а Кадрия, выйдя на веранду, открыла красный сундук, в котором хранила свои детские «драгоценности» – разноцветные галечки, обертки от конфет и – главное – бабушкин кашмау. Погладила его и почувствовала себя так, словно вернулась, пусть и ненадолго, в родной аул, в бабушкину избу. Ей даже почудился запах испеченных в золе пресных хлебцев.

Но тут позвала ее енгэ:

– Давай-ка занесем в комнату Зудьфии диван-кровать. Ей не нравятся перестановки, но не укладывать же зятка на железную кровать! Еще подумает, что мы – нищие...

Енгэ с Кадрией подтащили диван к узкому дверному проему, но появилась Зульфия, встала на их пути.

– Не надо. Слышишь, мама? Не надо. В своих комнатах делай, что хочешь, моя пусть остается такой, какой была.

Мать всплеснула руками:

– Ах-ах, я хотела уважить жениха, приготовить ему место покомфортней. Другая на твоём месте обрадовалась бы...

– Он не привык к комфорту.

Гафура-енгэ плюхнулась на стул, уставилась на дочь, будто впервые ее видит, запричитала:

– Абау, Зульфия, все то же упрямство в тебе!.. Жила в родительском доме как у бога за пазухой, не оценила, уехала. Я думала, жизнь обтешет тебя, научит уму-разуму, ан нет!.. Ну, вся в бабушку уродилась! Уж как я старалась не допускать общения с ней, чтоб не испортила моего ребенка... И в мужа всю душу вкладывала, пыталась перевоспитать его, так и он тоже... – Енгэ, всхлипнув, посмотрела на диван. – Куда

же его поставить? Сколько расходов я понесла, чтобы устроить приличную свадьбу, даже весь гарнитур в зале сменила... Не зря говорят: выдашь дочь замуж – сама останешься голой.

– Не печалься, мама, мы возместим твои расходы, – расстроено кинула Зульфия и выбежала в сад.

* * *

Долгожданная, доставившая множество хлопот свадьба отшумела за один день. Занятой мытьем посуды Кадрия лишь изредка удавалось бросить взгляд на Зульфию в пышном свадебном платье. «Эх, увидела бы ее бабушка сегодня, как порадовалась бы! – думала Кадрия. – А жених Зульфии достался хороший, добрый. Когда попросил воды попить, так ласково улыбнулся и не забыл поблагодарить».

Кадрия забралась на свою кровать, села, обхватив руками усталые ноги. Ей с приездом Зульфии жилось хорошо, радостно, энгэ особо не бранилась. Только эта радость не продлится долго, завтра Зульфия улетит с мужем в пустыню. Странно, в доме отца с матерью у нее, по словам энгэ, было бы все, кроме птичьего молока, а она где-то на краю света ищет пресную воду, училась для этого пять лет. Интересно, если бы с Кадрией не случилось в детстве несчастье, кем бы она стала? Нет, она не отправилась бы, как Зульфия, искать в пустыне воду, а стала бы портнихой и шила девушкам свадебные платья. Шила бы и шила, шила бы и шила...

Как раз в момент, когда Кадрия задумалась об этом, дверь в ее комнатку на веранде приоткрылась, в проеме показалась Зульфия.

– Кадрия, можно мне немного посидеть с тобой?

– Ой, конечно!

Кадрия обрадованно опустила ноги с кровати, освобождая место для Зульфии, та села рядом, приобняла ее за плечи.

– Сестренка, ты очень любила бабушку?

Кадрия, взглянув на сундучок, стоявший возле кровати, глубоко вздохнула.

– Она часто говорила и о тебе, Зульфия.

Зульфия погрузила тонкие пальцы в свои кудряшки.

– Скажи, Кадрия, я вправду похожа на нее?

Кадрия посмотрела на лицо сестры: нос с небольшой горбинкой, как у бабушки, черные, чуть раскосые глаза, заостренный подбородок...

– Да, ты похожа, а я – нет. Я, говорили, пошла в отца.

Зульфия взяла руку Кадрии в свои ладони.

– Хорошая была у нас бабушка, правда?

У Кадрии от мыслей о бабушке душа переполнилась, она тихонько заплакала.

– Не плачь, Кадрия. Что поделаешь, никому не дано жить вечно. Знаешь, у нас с Ильгизаром осенью будет своя квартира, и мы заберем тебя к себе. У него очень хорошая тетя, она тоже поселится у нас, будете ворковать с ней вдвоем. Нам дома придется жить лишь изредка, такая у нас с Ильгизаром работа. Ты будешь провожать меня в экспедиции и встречать. Согласна?

Кадрия, перестав вхлипывать, посмотрела на сундучок у ног.

– А сундучок мы с собой возьмем? В нем бабушкин свадебный наряд...

– Возьмем, Кадрия, конечно, возьмем и поставим на самое почетное место. Сейчас я начну собираться в дорогу, поможешь мне?..

После отъезда Зульфийи с мужем энгэ велела Кадрию затопить баню и слазить на чердак дома за баннным венником. На чердаке было полутемно, свет через небольшое тусклое окошко падал на какие-то узлы и набитые чем-то мягким мешки. Пахло сухими венниками и травами, как в сенях у бабушки. Когда глаза привыкли к полутьме, Кадрия протянула руку к веникам, подвешенным на перекладине, чтобы выбрать один из них, позеленей, и в испуге отпрянула, увидев большущего черного паука. Попятилась, не сводя с него глаз, присела на что-то мягкое.

– Ай, какой страшный! – прошептала она.

Неожиданно в паутину, натянутую между вениками, залетела белая бабочка и затрепыхалась, угодив в ловушку. Едва девушка успела подумать, откуда бедняжка взялась, как паук устремился к добыче, и мгновение спустя крылья бабочки бессильно обвисли. Кадрию это испугало еще сильнее.

– Какой ужас!..

Она не запомнила, как в полуобморочном состоянии спустилась по приставленной к стене лестнице и упала на землю, потеряв сознание, как дядя на руках занес ее в дом, уложил в постель. Когда очнувшись, открыла глаза, в комнате сидели дядя и человек в белом халате, догадалась – доктор.

– Полагаю, нервный шок, – сказал доктор. – Возможно, что-то ее сильно испугало или расстроило. Вы не знаете, чем она переболела в детстве?

– Знаю. Менингитом. После этого и стала такой. Взрослая уже девушка с сознанием ребенка...

– Ясно... – Доктор начал складывать в саквояж какие-то свои приборы. – Сейчас ей нужен полный покой. Иначе болезнь может повториться.

Проводив доктора, дядя напоил Кадрию чаем и велел лежать спокойно, постараться уснуть. Вскоре она, в самом деле, крепко уснула.

– Чего тебе не хватает? Есть предел твоей алчности?

Кадрия в полусне, стараясь понять, что происходит, потеряла глаза. За окном темно, но слышатся приглушенные голоса, похоже, кто-то с кем-то ссорится. Упыри, что ли, устроили ночную сходку? Бабушка рассказывала сказку о них.

– А тебе хоть все вверх дном перевернись! Как говорится, арба сломается – будут дрова, бык падет – будет мясо. Только благодаря мне и живешь по-человечески!

А-а, это же голос энгэ! А кричал перед этим дядя. Надо же, и он, оказывается, может накричать на жену. Вот опять из-за двери их спальни послышался его голос:

– Не в деньгах, говорят, счастье. А ты ради наживы готова поступиться совестью!

– Смотрите-ка, о совести заговорил! Когда женился на мне, у тебя даже приличных штанов не было. А теперь, развалясь, разъезжаешь в легковой машине. Она с неба, что ли, упала?

– А я что – не работаю? Разве не на моих заработках дом и хозяйство держатся?

– В теперешнее время все решают не работа, а предприимчивость и знакомства. Если бы не моя предприимчивость...

– Собралась отнести в комиссионку, продать свадебное платье дочери – это ты считаешь предприимчивостью?

Продать свадебное платье Зульфий? Может быть, Кадрия неправильно поняла слова дяди, хотя прозвучали они вполне отчетливо? Заволновавшись, она приподнялась, села в постели. Между тем из соседней комнаты донесся раздраженный голос энгэ:

– А что тут такого? Все так делают. Не веришь, так загляни в комиссионку, посмотри. Подвернулась подходящая ткань, а то я платье для Зульфий там и купила бы. И дешевле обошлось бы, и без хлопот.

– Ты... ты... – Судя по голосу, дядя задохнулся от возмущения. – Ты соображаешь, что говоришь?! Я что – проработав тридцать лет, не способен ни на что другое, кроме как купить родной дочери на свадьбу платье с чужих плеч?!

– Так, сшили ведь. Теперь надо рассчитаться с долгами, немало потратились в свадебных хлопотах.

– Рассчитаемся. Деньги – дело наживное. Заработают.

– Может, заработаешь, да найдется сорок прорех, куда они уйдут. К слову сказать, ты видел, сколько золотых колец на руке жены Хадиса Шариповича? На всех десяти пальцах – по кольцу. У меня, – напористый голос энгэ теперь зазвучал плаксиво, – всего одно колечко, купленное в ханские еще, как говорится, времена. Я, видите ли, поступаю совестью, а он и не подумает о том, что Зульфия это платье больше не наденет, так и сгниет оно без всякой пользы.

Мысли Кадрии заметались. Она уже не вслушивалась в разговор за дверью. Что делать? Как спасти свадебное платье Зульфий? Мелькнула мысль: энгэ может и бабушкин свадебный наряд продать. Нет, нельзя это допустить. Надо спрятать их. Где? Напрашивался единственно возможный для нее ответ: в родном ауле!

Кадрия встала, в темноте нащупала дверцу шифоньера, осторожно, чтобы не скрипнула, открыла ее. Рука коснулась шелковой ткани, казалось, еще хранившей тепло тела Зульфий. Зульфия сказала, что осенью заберет Кадрию к себе. Но нельзя ждать, пока она приедет сюда. Вон ведь как энгэ ярится! Сбежать, сбежать отсюда сейчас же! «Вернусь в аул, проживу как-нибудь в бабушкиной избе. Зульфия догадается, где меня искать», – решила Кадрия.

Сдерживая дыхание, она сняла платье Зульфий с вешалки, шмыгнула с ним в комнатку на веранде. Сунула платье, свернув, в свой сундучок. Наощупь отыскала легкую курточку, нашарила босоножки. Времени на это ушло совсем немного, но накатил страх, ей чудилось, что на нее обрушится окружающая тьма или прыгнет сверху черный паук, поэтому она торопила себя: скорей, скорей! Подхватила сундучок, – благо, у него на крышке – удобная ручка, как у чемодана, – и выскользнула во двор, оттуда на улицу. Она помнила, с какой стороны дядя привез ее сюда, пошагала в ту сторону. «К утру дойду до своей избы, спрячу там сундучок за печкой и буду ждать Зульфию», – думала она.

Некоторое время спустя сзади засветила фарами автомашина. Кадрия оглянулась: не погоня ли за ней? Побежала изо всех сил, чувствуя, что на нее опять наваливается, душит дурнота, будто страшный черный паук схватил ее за горло. А в голове билось: «Убежать, спасти!..»